

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2452](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452)

Д. Г. Подвойский

**ПИТИРИМ СОРОКИН: БИХЕВИОРИСТ,
ОТКРЫВШИЙ ДЛЯ СЕБЯ КУЛЬТУРУ**

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. Питирим Сорокин: бихевиорист, открывший для себя культуру // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 276—287. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2023) Pitirim Sorokin: A Behaviorist Who Discovered Culture. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 276—287. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452>. (In Russ.)

Получено: 10.07.2023. Принято к публикации: 26.07.2023.

ПИТИРИМ СОРОКИН: БИХЕВИОРИСТ, ОТКРЫВШИЙ ДЛЯ СЕБЯ КУЛЬТУРУ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Аннотация. Отдел издательских программ ВЦИОМ завершает подготовку к публикации книги Иржи Шубрта и Дениса Подвойского «Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте?». Небольшой фрагмент из этой книги, посвященный творчеству выдающегося российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина, журнал «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» предлагает вниманию читателей. Не претендуя на описание сорокинско-«теоретического синтеза» во всей полноте, автор очерка стремится выявить и охарактеризовать общую линию идейной эволюции классика отечественной социологии, постепенно преодолевавшего стартовые неопозитивистские установки «русского периода» и перемещавшего свой ключевой исследовательский интерес в область анализа культуры.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, социальное взаимодействие, неопозитивизм, бихевиоризм, гуманистическая социология, социальная и культурная динамика, социология культуры

PITIRIM SOROKIN: A BEHAVIORIST WHO DISCOVERED CULTURE

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History; Associate Professor at the Department of Sociology; Leading Research Fellow*
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The Department for Publishing Programs at the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) is preparing for publication a book by Jiří Šubrt and Denis Podvoyskiy “Contemporary Sociological Theories: How Not to Get Lost in the Conceptual Labyrinth?”. The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal presents a book fragment devoted to the work of eminent Russian and American sociologist Pitirim A. Sorokin. Not claiming to describe Sorokin’s ‘theoretical synthesis’ in its entirety, the author of this essay aims at identifying and characterizing the general line of Sorokin’s ideological evolution from the starting neopositivist attitudes of the “Russian period” to the field of culture analysis.

Keywords: Pitirim Sorokin, social interaction, neo-positivism, behaviorism, humanistic sociology, social and cultural dynamics, cultural sociology

Питирима Александровича Сорокина¹ можно считать (если считать «по-гамбургски») единственным социологом российского происхождения, получившим настоящую мировую известность. С сильным отставанием за ним следуют Г. Д. Гурвич (прежде всего во Франции) и Н. С. Тимашев (в США). Вопрос о вкладе русской мысли в интеллектуальную сокровищницу человечества следовало бы обсуждать отдельно (и не здесь), но факт остается фактом: в силу совокупности причин за рубежом о достижениях российских социально-гуманитарных наук и философии осведомлены очень немногие — в основном, исследователи, профессионально занимающиеся «россиеведением». В частности, традиция так называемого русского зарубежья, к которой формально относился П. А. Сорокин, представляла собой весьма оригинальный духовный продукт (так сказать, «на любителя»), сильно привязанный к интересам — чаяниям, вкусам и запросам — русскоязычной эмигрантской аудитории. Позднее, в последние полтора десятилетия XX века этот специфический корпус текстов обогатил круг чтения интересующейся гуманитарной проблематикой публики в самой России, но в мировых масштабах широкого звучания и резонанса не имел, в отличие от, скажем, классической русской литературы, связанной с именами Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. В общем, П. А. Сорокин в данном отношении является приятным исключением. И потому, собственно, современная «сорокиниана» выглядит достаточно солидным, сформировавшимся (хотя и отчасти камерным) исследовательским направлением², отнюдь не только российским.

Через тернии к звездам: из зырянского края в Гарвард с длительной пересадкой

Жизнь П. А. Сорокина — как, наверное, почти всякого, на чью долю выпало стать политическим эмигрантом, — была богата на события. Много ценных сведений заинтересованный читатель может почерпнуть из автобиографии ученого «Дальняя дорога» [Сорокин, 1992a]. Будущий социолог родился в селе Туръя Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Республика Коми) в семье ремесленника из Великого Устюга и зырянской крестьянки. Рано оставшись без матери, он вместе с братом помогал отцу в его мастеровом промысле. Свой образовательный путь Сорокин начал в качестве ученика церковно-приходской школы в селе Гам на Вологодчине и церковно-учительской семинарии в селе Хреново Костромской губернии. В скором времени молодой человек знакомится с революционными идеями, вступает в партию эсеров, подвергается аресту и попадает в тюрьму. В 1907 г. он отправляется в Санкт-Петербург, посещает Черняевские курсы, сдает экзамены экстерном за гимназический курс и в 1909 г. становится студентом организованного В. М. Бехтеревым Психоневрологического института, в структуре которого функционировала первая в России кафе-

¹ Более или менее исчерпывающий и детализированный разбор взглядов П. А. Сорокина не входит здесь в наши планы. Один из соавторов предпринял попытку решить подобного рода задачу в [Батыгин, Подвойский, 2007].

² По самым скромным оценкам, массив русскоязычной литературы о творчестве и биографии П. А. Сорокина, написанной за последние 35 лет (притом очень разного качества), насчитывает несколько сотен наименований. Огромный вклад в становление и развитие российской «сорокинианы» внес В. В. Сапов — не только как комментатор сорокинских текстов, но и как организатор их публикации, в том числе в рамках продолжающегося проекта по изданию полного собрания сочинений классика отечественной социологии.

дра социологии (позднее перевелся на юридический факультет Петербургского университета).

В те годы огромную роль в судьбе П. А. Сорокина сыграл М. М. Ковалевский, покровительство и «социальный капитал» которого помогли начинающему исследователю достаточно быстро выйти на орбиту российской интеллектуальной жизни. Внимание научной общественности Сорокин привлек уже первой своей монографией «Преступление и кара, подвиг и награда», посвященной проблематике социологии морали и права [Сорокин, 1999b]. Стремительно росла и репутация Сорокина как публичного интеллектуала и участника общественно-политических дискуссий. Пик политической активности ученого приходится на 1917—1918 гг. В этот драматический период он редактирует эсеровскую газету «Воля народа», летом 1917 г. становится личным секретарем А. Ф. Керенского, затем избирается в Учредительное собрание и вступает в открытый конфликт с большевиками. Арестованный ЧК и приговоренный к расстрелу, Сорокин спасает себе жизнь, написав «покаянное» письмо³.

С 1918 по 1922 гг. П. А. Сорокин прикладывает массу усилий организационного плана, пытаясь способствовать институционализации российской социологии, разрабатывает проекты социологического образования в стране рабочих и крестьян. Однако эти устремления не приносят долговременных результатов, находясь в прямом противоречии с быстро наметившейся установкой советской власти на идеологизацию обществоведческих дисциплин и их подчинение оформлявшейся и заявлявшей о своих монополистических притязаниях марксистско-ленинской ортодоксии. Вершиной творчества раннего Сорокина становится фундаментальный трактат «Система социологии»⁴, увидевший свет в 1920 г. [Сорокин, 1993a, 1993b]. Осенью 1922 г. ученый навсегда покидает Россию.

Уже в 1923 г. после непродолжительного пребывания в Чехословакии П. А. Сорокин перебирается в США. Первоначально его принимают как эксперта по злободневному вопросу русской революции (а также ее очевидца и участника), но уже очень скоро авторитет молодого профессора-эмигранта укрепляется и выходит на более широкий тематический уровень. Так, в 1920-е гг. в Америке были изданы три важных текста, сделавших Сорокину имя: «Социология революции» (1925) [Сорокин, 2005b], «Социальная мобильность» (1927) [Сорокин, 2005a] и «Современные социологические теории» (1928) [Сорокин, 2021]. Имеются основания (и не только вкусовые) полагать, что именно третье десятилетие XX века оказалось самым продуктивным и содержательно ценным периодом творчества Сорокина с точки зрения его вклада в мировую социологическую мысль. Отчасти как следствие успехов на научной ниве к Сорокину приходит и «институциональное» признание, достигающее максимума в 1930-е гг.: он становится первым деканом новообразованного социологического факультета Гарвардского университета и занимает этот пост в течение 12 лет (до 1942 г.).

Начиная со второй половины 1930-х гг., фактически последние 30 лет жизни П. А. Сорокин занимается реализацией своего мегапроекта под названием «со-

³ Последний эпизод спровоцировал В. И. Ленина на написание статьи «Ценные признания Питирима Сорокина» [Ленин, 1974].

⁴ Популярный и относительно компактный (по объему) вариант изложения теоретической системы П. А. Сорокина тех лет можно найти в книге «Общедоступный учебник социологии» [Сорокин, 1994].

циальная и культурная динамика» [Сорокин, 1997, 2000]. Первое издание книги с одноименным названием (четырёхтомное) появилось уже в 1937—1941 гг., но в дальнейшем траектория идейной эволюции социолога, заданная этим проектом, по сути, сохранялась. Можно сказать даже, что Сорокин в заключительный период своего творчества в некотором роде перерос (или превзошел) самого себя «как социолога»: — перестал быть социологом — исследователем общества в строгом и узком смысле (хотя сам он скорее всего с такой оценкой не согласился бы). Тексты «позднего» Сорокина (хотя в начале данного этапа он еще отнюдь не был стариком) по тематике, жанру и стилю скорее напоминают историософскую публицистику, изобилующую морализаторскими, патетически-профетическими, остро критическими обертонами и сюжетами.

От «собаки Павлова» к ценностям и смыслам

Знатоки сорокинского наследия, рассматривающие его в диахронном срезе и во всей возможной полноте, вынуждены констатировать: за свою долгую научную биографию ученый не один раз менял свои теоретико-методологические взгляды (хотя эти изменения и не были резкими). Написанные по-русски работы дореволюционного и постреволюционного периодов (до 1922 г.) на европейские языки практически не переводились⁵, и это более или менее соответствовало вектору трансформации воззрений самого ученого, наблюдавшейся в 1920—1930-е годы. Сам Сорокин в американский период был уже не тот, что в период своего ученичества под теплыми крыльями М. М. Ковалевского, Е. В. Де Роберти и Л. И. Петражицкого. И если бы американцы открыли для себя раннего Сорокина, то вполне можно представить, что многие из них обрадовались бы: Сорокин российского образца гораздо более созвучен общему неопозитивистскому мейнстриму американской социологии, хотя и, быть может, не слишком оригинален, поскольку в США своих — ориентированных прежде всего на эмпирическую работу — позитивистов-сциентистов всегда хватало.

В дореволюционной России, напротив, попытки реализовать позитивистский методологический проект («без перекосов в субъективизм» в духе П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского) были как раз-таки в новинку. Позитивизм раннего Сорокина сформировался, по-видимому, под влиянием Ковалевского и в процессе штудирования начинающим исследователем новейшей зарубежной литературы. Также определенное значение имело институциональное окружение. Напомним, Сорокин начинал свой путь в науку как студент Психоневрологического института, которым руководил отец русской рефлексологии Бехтерев. Русской психофизиологической школе в первые десятилетия XX века было чем гордиться: в 1904 г. И. П. Павлов стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине. Под определенным углом зрения социология могла представлять как разновидность «коллективной рефлексологии». Именно эти методологические «ветры», собственно, и направили в конкретную сторону чувствительный «флюгер» только складывавшегося тогда стиля социологического мышления Сорокина.

⁵ Особый случай — «Социология революции», написанная первоначально по-русски, но опубликованная на английском в 1925 г. [Сорокин, 2005b].

Позитивизм молодого Сорокина сочетался со специфически понятым психологизмом, который впоследствии получил дополнительную прививку от Л. И. Петражицкого⁶. Стартовую теоретико-методологическую позицию Сорокина порой квалифицируют как «умеренный бихевиоризм». Социальные отношения суть отношения взаимодействия человеческих существ, мыслящих, волящих и чувствующих. Людьюми движут разнообразные импульсы, влечения, потребности, а человеческая психика является вместилищем комплекса субъективных переживаний. Однако об этом сложном и ускользающем феномене «строгая» наука может сказать довольно мало (по крайней мере, пока), и, следовательно, его методически оснащенное изучение лучше оставить на потом.

Что же мы можем и должны исследовать уже сейчас, пока наш когнитивный инструментарий еще недостаточно совершенен, чтобы проникнуть в тайну внутреннего мира человека, его «души»? Нам следует в первую очередь анализировать то, что поддается четкой эмпирической фиксации. Простейшее социальное явление — межлическая интеракция складывается из трех компонентов: акторов (самых действующих), их актов (поступков, ими совершаемых) и так называемых «проводников» (внешних посредников взаимодействия — становящихся частью общества элементов предметного мира, символически нагруженных объектов, языка и т. п.)⁷. Все эти составляющие взаимодействия наблюдаемы, в отличие от внутренних характеристик сознания и психики. Именно этими группами фактов, лежащими как бы на поверхности универсума социальной жизни, Сорокин, собственно, и предлагает заниматься.

В принципе, намеченная подобным образом методологическая колея в случае ее продолжения могла бы привести нас напрямиком к П. Лазарфельду и Дж. Ландбергу, но Сорокин постепенно уходит от нее. В одной из ранних работ он достаточно категорично заявляет: грамотно составленная статистическая таблица для социолога может оказаться полезнее тысячестраничного философского трактата. Оказавшись в США, он пересматривает свою точку зрения, вероятно, столкнувшись с многочисленными проявлениями особого академического стиля, оборачивающегося «вульгарным» эмпиризмом и воплощающегося в навязчивом стремлении «померить цифрой» все, что можно и нельзя. Такого рода «метрический синдром» как отличительную черту нового стандарта исследовательской работы, утвердившегося в американских университетах ко второй трети XX века, он будет называть «квантофренией» (то, что не может быть измерено, посчитано, выражено в математической форме, как бы не существует вовсе или как минимум не имеет научной ценности) [Сорокин, 1999а]. Сорокин едко иронизирует над различными симптомами данной методологической «болезни», пришедшей в социологию из более развитых поведенческих дисциплин (психологии, экономики). Он сравнивает отягощенные (и искаженные) квантофренией маршруты на-

⁶ «Психологизм» Л. И. Петражицкого (иногда причисляемого, притом довольно условно, к российскому неокантианству) по ряду существенных параметров отличался от «психологизма» П. А. Сорокина.

⁷ Теория символического, разработанная российским ученым, при всей ее кажущейся простоте не утратила своего эвристического потенциала и сегодня (см. об этом, например, в [Подвойский, 2022]). Концепция проводников взаимодействия как смысловое ядро этой теории сохраняет важное место в структуре сорокинского социологического наследия в целом.

учных поисков с попытками решить задачу — сколько нужно простокваши, чтобы сшить пару штанов для быка?..

И тут, уже в Америке, наконец, наступает момент обратиться к темам, которые раньше отходили на второй план — к тому, что находится «внутри», вплетено в саму ткань социальной жизни. Так, Сорокин постепенно открывает для себя культуру как конститутивно важный атрибут общественных отношений. Человек для него теперь нечто большее, чем хитро устроенная и относительно умная (в сравнении с другими «божьиими тварями») «собака Павлова», реагирующая на те или иные раздражители. Человек — это генератор и аккумулятор смыслов и значений, производитель и транслятор ценностей. Зрелый Сорокин уже не позитивист, каковым был раньше, в петербургский период. Его концептуальная программа теперь представляет собой некое подобие гуманистической социологии с очень широкими и размытыми границами. Поэтому сегодня Сорокина на его исторической родине то и дело называют не только социологом, но еще и культурологом.

В американский период Сорокин осуществляет (как сейчас любят выражаться) своего рода «пересборку социального»: он говорит уже не о простейшем феномене взаимодействия, а о структуре родового социокультурного явления. Указанная структура также состоит из трех элементов и включает «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [Сорокин, 1992b: 193]. В проводимой Сорокиным новой аналитической сортировке акты объединяются с проводниками как то, что можно действительно ухватить глазом, ухом или иным образом эмпирически зарегистрировать, а культура (п. 2) оказывается выделенной в отдельную категорию. И в некотором роде именно этот второй пункт делает человеческое общество реальностью особого рода, не сводимой к уровням природного бытия, царствам органики и неорганики. Именно значения, ценности и нормы как компоненты системы мотивации превращают людей (п. 1) в «субъектов» (в противном случае они и вправду напоминали бы павловских собак, крыс или обезьян зоопсихологов и бихевиористов), и они же опредмечиваются в человеческих поступках, символике, разнообразных вещественных носителях (смыслов) и материальной культуре (п. 3).

Получается, что именно культура становится ключевым отличительным признаком, *differentia specifica* социальных явлений, из которых складывается в конечном счете общество в целом. Сам Сорокин, многократно повторяя обозначенный сквозной мотив во многих фрагментах своих работ, пишет об этом так:

Человек создал новое царство реальности в известной нам вселенной. Помимо двух основных классов реальности — неорганических и органических явлений — которые существовали на нашей планете до появления человека — человек создал третий основной класс явлений — суперорганических, или культурных... В противовес неорганическим... и органическим явлениям... — явления культурного мира имеют «нема-

териальный» компонент «смысла» (как идея, ценность, моральная норма поведения), который накладывается на физический и/или жизненный компоненты. Этот компонент... радикально меняет природу неорганических и органических явлений, которую он пронизывает и на которую накладывается. Без своего смысла книга...— это всего лишь физический предмет (бумага), имеющий геометрическую форму и физико-химические свойства. Смысл же превращает этот предмет в суперорганическую систему великих идей, для которой физические свойства (бумаги) уже не имеют значения, поскольку эта система идей и ценностей может быть воплощена с помощью других физических средств — записана на пластинку или на папирус, выражена словами. Кусок дешевой материи, прикрепленный к палке, благодаря своему смыслу превращается в национальный флаг, символ чести и величия нации, ради которого люди жертвуют своей жизнью и убивают других людей... Лишенная своего смысла, Венера Милосская превращается в простую глыбу мрамора. Биологически и физически нет человеческих организмов, которые были бы «королями», «папами», «генералами», «героями», святыми. Все эти и миллионы других смыслов накладываются на человеческий организм посредством суперорганической культуры. [Сорокин, 2014: 275]

Социокультурные суперсистемы и флуктуационная модель общественных процессов

Такого рода апологетика культурологического взгляда на человеческое общество озвучивалась Сорокиным не только для красоты и высокопарности. Для него как теоретика она оборачивалась далеко идущими последствиями. Ученый не ограничивается лишь микроскопической аксиоматикой теории социального (взаимо)действия, но стремится перевести ее и заставить работать на уровне социетальных обобщений. В принципе, Сорокин еще в произведениях русского периода при описании общих контуров и магистрального замысла своей «системы социологии» отмечал: над двумя базовыми этажами социологической науки — социальной аналитикой (изучающей строение общественного тела) и социальной механикой (исследующей социальные процессы) — должен быть по логике вещей надстроен третий, а именно социальная генетика (учение о происхождении и развитии человеческих обществ, теория социально-исторической эволюции). Это был, так сказать, план на всю жизнь. И вот, наконец, время для возведения верхнего этажа здания пришло. Руки у Сорокина доходят до реализации самой грандиозной его задумки — концепции социальной и культурной динамики. Какова же была реальная дисциплинарная принадлежность данной концепции? Она представляла собой нечто среднее между философией истории и макроисторической социологией с культурологическим уклоном.

Как и в каком направлении развивается общество? С одной стороны, Сорокин как бывший социалист и публичный интеллектуал, воспитанный на общественно-научной литературе XIX века, должен был верить в прогресс. Но, с другой стороны, он слишком много повидал на своем веку, чтобы стоять на позициях наивного исторического оптимизма. К тому же он — именно как социолог — обладал значительным уровнем «эмпирически заземленной» трезвости мысли, легко разрушающей разного рода идеологические и/или утопические иллюзии, в том числе относительно будущего.

Уже в ранних произведениях, а впоследствии в работах 1920-х годов, посвященных проблематике социологии революции, «голода и бедствий» [Сорокин, 2003], социальной стратификации и мобильности, Сорокин проговаривает идею, что социальные процессы — во всяком случае, если смотреть на длительные отрезки исторического времени — предстают перед исследователем не как цепочка поступательных изменений, но скорее как последовательность ненаправленных и имеющих неодинаковую амплитуду *флуктуаций*. Проще говоря, социальное развитие в разных областях имеет маятниково-колебательный характер. Профили стратификации в конкретных обществах в разных точках планеты то вытягиваются, то уплощаются; темпы мобильности то ускоряются, то замедляются; на смену демократиям приходят авторитарные режимы (и наоборот); периоды стабильности и революционных лихолетий чередуются; системы социального контроля то ужесточаются, то смягчаются... и т. д. и т. п. Сходный механизм исторического процесса (применительно, прежде всего, к политической сфере) описывал В. Парето в своей концепции «циркуляции элит». На концепцию социальных флуктуаций ориентировался Н. Д. Кондратьев, близкий друг и коллега Сорокина, при построении экономической теории «длинных волн» (так называемые «циклы Кондратьева»).

Зрелый Сорокин пытается приспособить флуктуационную модель социальных изменений в качестве общего аналитического инструмента к гигантскому историческому полотну мировой истории. Что же из этого получается? Он отвергает как линейно-поступательные концепции (эволюционизм и прогрессизм), так и релятивистские теории локальных цивилизаций (в версиях О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби), и пытается найти третье решение. Идея круговорота сама по себе вдохновляет Сорокина, однако его концепция существенно отличается от других вариантов историософского циклизма.

Понятия общества и культуры Сорокин объединяет при помощи терминологической рамки концепта «социокультурной суперсистемы». Культурные ценности, определяющие характер и направленность человеческих представлений и поступков, весьма разнообразны и варьируют в очень широком диапазоне. Мир культурных универсалий и порождаемых ими социальных институтов (ценности истины, добра и красоты; религия, философия и наука, мораль и право, искусство и литература, техника, политика, хозяйство, семья... и т. д.) чрезвычайно сложен и напоминает богатую цветовую палитру. Люди как производители форм культуры суть существа материальные и духовные одновременно, придавленные к земле и воспаряющие к небесам, «полузвери-полубоги». Предпочитаемые людьми способы познания и мироориентации также весьма несходны; к их числу относятся вера и интуиция, разум и чувства, мистическое созерцание и активное практическое действие. Однако аксиологическая мозаика всякого конкретного общества в любой момент времени не бывает полностью уравновешенной, то есть опирающейся на (и комбинирующей) все известные роду человеческому ценности в равной пропорции. Культура всякого общества выстаивается вокруг какой-то ценностной оси, доминирующей в конкретную эпоху, но исторически преходящей и относительной. Рано или поздно несущая конструкция начинает шататься и падать, социокультурная суперсистема приходит в упадок и запускается процесс поиска и утверждения новых схем и паттернов ценностной интеграции.

Культуры, в которых человек выступает своего рода «сосудом духовности», Сорокин именует *идеациональными*. Ценностным стержнем в них является вечный, бесконечный, сверхчувственный Абсолют; вера и интуиция становятся основными каналами приобщения человека к его внемирским священным дарам. Фидеизм и религия определяют характер мироориентации человека в культурах такого типа (классическим примером здесь выступает эпоха христианского Средневековья). Прямой противоположностью, аксиологическим антиподом идеациональной культуры является культура *чувственная*, признающая человека «во плоти» альфой и омегой социальной жизни, ключевым игроком в истории природы и общества. В своих развитых формах эта культура производит сенсуализм и эмпиризм, материализм, научную картину мира, прагматизм, инструментализм, утилитаризм и гедонизм как специфические ментальные установки. Наука и техника в структурах чувственной культуры играют приблизительно ту же роль, какую религия играет в структуре культуры идеациональной. «Золотой серединой» между этими полюсами является *идеалистическая* культура, гармонически сочетающая в себе их лучшие элементы, — культура разума, в которой человек выступает в самых лучших и возвышенных своих качествах, как Человек «с большой буквы»⁸.

Маятник глобальных социально-исторических флуктуаций постоянно движется из стороны в сторону, благодаря чему идеациональные, идеалистические и чувственные культуры сменяют друг друга, и в этом, собственно, состоит основной закон истории по Сорокину. Западная цивилизация модерна, распространившаяся в XX веке с известными вариациями по всему миру, представляет собой новейшую разновидность чувственной культуры периода ее заката. Современная чувственная культура начала свое победоносное шествие в эпоху Ренессанса и сегодня вступила в полосу кризиса, исчерпав по неизбежности ограниченный творческий ресурс.

Текущий вектор социокультурной динамики, по мнению Сорокина, толкает человечество в направлении обретения новой духовности, к состоянию, которое мыслитель именует *интегральной* культурой. Этот термин Сорокин использует как условный эквивалент понятия идеалистической культуры, способной обеспечить в будущем гармонический синтез и взаимообогащающее сосуществование разных ценностных начал в системах истины (наука, философия, религия), изящных искусств, этики и права. Новое общество также не может обойтись без внедрения в жизненную практику принципов творческой любви и альтруизма, пропагандой которых Сорокин активно занимался в послевоенные десятилетия. Подобные благодные футурологические построения оказываются следствием незаметного переключения приоритетного режима теоретизирования: как ученый-социолог Сорокин замолкает, покидая трибуну и передавая микрофон глашатаю благой вести, пророчествующему о грядущих лучших временах.

Список литературы (References)

Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. Учебник. М.: Высшее образование и наука, 2007.

⁸ Сорокинская концептуальная триада идеациональной, идеалистической и чувственной культур отчасти напоминает различие трех эпох (богов, героев и людей), проведенное Дж. Вико, пионером новоевропейской циклической философии истории, в его «Основаниях новой науки...» [Вико, 1994].

Batygin G. S., Podvoyskiy D. G. (2007) *History of Sociology. A Textbook*. Moscow: Vyssheye obrazovaniye i nauka. (In Russ.)

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: REFL-book; Киев: ИСА, 1994.

Vico G. (1994) *Principi di Una Scienza Nuova d'Intorno alla Comune Natura delle Nazioni*. Moscow: REFL-book; Kiev: ISA. (In Russ.)

Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. С. 188—197.

Lenin V. I. (1974) *The Valuable Admissions of Pitirim Sorokin*. In: Lenin V. I. *A Complete Collection of Works: in 55 vols. Vol. 37*. Moscow: Politizdat. P. 188—197. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. В объятиях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>.

Podvoyskiy D. G. (2022) *In the Embrace of Cardboard Gods: About the Magic of Names, the Power of Words, and the Fetishism of Symbols in Social Life (Part 1)*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>. (In Russ.)

Сорокин П. А. Дальняя дорога: автобиография / пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. М.: Московский рабочий; ТЕРРА, 1992а.

Sorokin P. A. (1992a) *A Long Journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. Moscow: Moskovskiy rabochiy; TERRA. (In Russ.)

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992б.

Sorokin P. A. (1992b) *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Т. I. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993а.

Sorokin P. A. (1993a) *The System of Sociology: in 2 vols. Vol. I. Social Analytics: The Doctrine of the Structure of the Simplest (Clan) Social Phenomenon*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Т. II. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993б.

Sorokin P. A. (1993b) *The System of Sociology: in 2 vols. Vol. II. Social Analytics: The Doctrine of the Structure of Complex Social Aggregates*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.

Sorokin P. A. (1994) *The Public Textbook of Sociology. Articles of Different Years*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Sorokin P. A. (1997) *The Basic Trends of Our Times*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Квантофрения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1999а. № 13—14. С. 4—35. URL: <http://rksorokinctr.org/images/nauka/kvantofrenia.pdf> (дата обращения: 19.08.2023).

Sorokin P. A. (1999a) Quantophrenia. *Rubezh. Almanac of Social Research*. No. 13—14. P. 4—35. URL: <http://rksorokinctr.org/images/nauka/kvantofrenia.pdf> (accessed: 19.08.2023). (In Russ.)

Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999b.

Sorokin P. A. (1999b) Crime and Punishment, Feat and Reward. A Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000.

Sorokin P. A. (2000) Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia; LVS, 2003.

Sorokin P. A. (2003) Hunger as a Factor in Human Affairs. Moscow: Academia; LVS. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общ. ред. В. В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005а.

Sorokin P. A. (2005a) Social Mobility. Moscow: Academia; LVS. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социология революции. М.: Территория будущего; РОССПЭН, 2005b.

Sorokin P. A. (2005b) Sociology of Revolution. Moscow: Territoriya budushchego; ROSSPEN. (In Russ.)

Сорокин П. А. Моя философия — интегрализм / пер. с англ. С. В. Карпушиной // Партнерство Цивилизаций. 2014. № 1—2. С. 273—280. URL: <https://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-273-280-pa-sorokin.pdf> (дата обращения: 19.08.2023).

Sorokin P. A. (2014) Integralism — My Philosophy. *Partnership of Civilizations*. No. 1—2. P. 273—280. URL: <https://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-273-280-pa-sorokin.pdf> (accessed: 19.08.2023). (In Russ.)

Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А. К. Конохова и В. В. Сапова; вст. статья и коммент. В. Сапова. М.: Центр гуманитарных инициатив; Сыктывкар: Анбур, 2021.

Sorokin P. A. (2021) Contemporary Sociological Theories. Moscow: Centre for Initiatives in Humanities; Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)